

Взаимоотношения Советской Власти И Духовенства Каракалпакстана В 1917-1918 Годы

Н.К.Зинатдинов

Учитель школы № 40 г. Нукус, Республика Каракалпакстан

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется состояние взаимоотношений советской власти и духовенства Каракалпакстана в 1917-1918 годы. На основе архивных источников автор выделяет основные факторы взаимоотношений новой власти и религии. Статья отличается от предыдущей литературы новизной, постановкой вопроса и проникновением в тему.

ARTICLE INFO

Article history:

Received 29 Aug 2021

Received in revised form

30 Aug 2021

Accepted 18 Sep

Available online 08 Oct 2021

Ключевые слова: религия, большевистская власть, Туркестан, Каракалпакстан, декреты, военные действия, противоречие лозунгов и действий новой власти.

Отношения власти и религии ислама на протяжении 70-летней истории советского государства отнюдь не исчерпывались конституционной формулой «об отделении церкви от государства». Вопреки декларированному принципу основой политики большевистского режима стало жесточайшее подавление любого инакомыслия, в том числе и религиозного. Наиболее драматично эти отношения складывались в первое советское десятилетие.

Цель статьи — исследование политики тоталитарного режима в отношении исламской религии в 1917-1918 гг., а также деятельности партийно-советских, правоохранительных организаций Каракалпакстана по осуществлению этой политики. Рассмотрение государственной политики по отношению к другим вероисповеданиям, религиозным конфессиям не входит в задачи данной работы и требует специального исследования.

В рамках изучения основной проблемы - взаимоотношения власти и религии ислама - и реализации цели исследования предполагается решить ряд задач:

- обосновать актуальность и необходимость исследования истории взаимоотношений власти и религии в Каракалпакстане в 1917-1918 гг., учитывая нынешнюю идеологическую ситуацию, чтобы активно противодействовать попыткам проникновения чуждой идеологии и деструктивных идей.
- систематизировать и обобщить внедренный предыдущей историографией огромный фактический материал, критически анализировать выводы и основные положения общественной науки Каракалпакстана по исследуемой теме, ввести в научный оборот новые архивные источники по проблеме;
- рассмотреть основные направления политики руководства большевистской партии по отношению к религии ислама через раскрытие механизмов выработки и принятия ключевых политических решений;
- проанализировать методы и формы работы с мусульманским духовенством: создание специальных подразделений по работе в партийных структурах; механизм реализации принятых решений; рассмотреть становление репрессивных методов управления;

В 1916-1917 гг. консолидирующую роль в национально-освободительном движении играло мусульманское духовенство. Весной 1917 г. был сделан важный шаг по консолидации туркестанских народов: созван первый в истории съезд мусульман обще регионального масштаба, на котором было заявлено о твердом стремлении народов к автономии, защите своих обычаев, уклада жизни, организационно оформлен центральный орган выражения этих интересов - Краевой совет мусульманских депутатов [1:13]. Борьба за власть в Туркестане в ноябре 1917 г. вступила в решающую стадию. Эхо политических событий в центре Туркестана — Ташкенте — доходило и до окраин, в Амударьинский отдел и Хивинское ханство. Так как накануне 1917 года наравне с традиционными мусульманскими мектебами работали и новометодные мектебы. Видными представителями новометодного движения в Каракалпакии были Суфизада, С.Мажитов, Ю. Ахмедов, Заки Шакиров и др [2:66,68]. Идеи джадидизма распространялись и в Каракалпакстане. Видный лидер туркестанских джадидов Махмудходжа Бехбудий же еще задолго до октябрьского переворота называл большевистскую партию “буйрукратия — мустабид”, т. е. бюрократическо-деспотическая [3:20].

Однако большевики и левые эсеры не желали прислушаться голосу разума, учесть интересы народа. 15 ноября 1917 г. в Ташкенте открылся III краевой съезд советов рабочих и солдатских депутатов. В архивах не сохранилось документов, точно указывающих, сколько делегатов местных национальностей и кто именно персонально от Амударьинского отдела был на съезде. Тем не менее, огромное значение имеет для нашего исследования выступление лидера “Шурои Уламо” Шер Али Лапина. Он 18 ноября огласил на съезде резолюцию совещания мусульман об организации краевой власти. Затем Лапин заявил, что мусульманам должно быть предоставлено в ее органах 3/4 мест. “Путь мусульман самостоятельный,— сказал Шер Али Лапин,— Он указывается им Кораном и правилами шариата, поэтому они не могут примкнуть ни к одной из русских политических партий, но будут поддерживать ту власть, которая, опираясь на все народные организации, приведет к Учредительному собранию” [4:72]. Однако съездом Советов был отвергнут предложенный совещанием мусульман компромисс в

формировании краевой власти. Огромное значение имеет дальнейшей разработке вопроса об отношении советской власти к мусульманской религии и его приверженцам проект резолюции фракции большевиков и максималистов: “Привлечение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым, как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представительство которых в органе высшей краевой власти фракция приветствовала бы” [4:74]. Отказав, мусульманскому населению Туркестана в праве на управление краем, большевики и левые эсеры отвергли возможность компромиссного решения вопроса о власти и предопределили, тем самым будущую конфронтацию сил в политической жизни края, в том числе и на религиозной основе.

Дезинтеграция восточного общества, как результат устранения религии, планировалась большевистскими идеологами сознательно, в целях сохранения и упрочения своего господства по принципу “разделяй и властвуй”. Если с этой точки зрения рассмотреть основные положения “Декларации прав народов России”, “Декларации прав трудящихся и эксплуатируемого народа”, обращение “Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока” (1917-1918 гг.) — равенство и суверенность народов России; право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмена всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России - увидим, что слова и дела большевиков сильно расходились.

В ноябре 1917 г. в Коканде была организована “Туркестан мухторияти” (“Туркестанская автономия”), в создании которой активно участвовали и представители интеллигенции и духовенства Хорезма и Амударьинского отдела [5:23]. Младохивинцы Хорезма поддержали Туркестанскую автономию. Однако войска Совнаркома Туркестанской республики в первой половине 1918 года разгромили части полковника Зайцева, и в конце февраля - Туркестанскую автономию. Это послужило толчком к возникновению вооруженного сопротивления советской власти, к вооруженной борьбе за независимость, воплотившейся в “истиклолчилик харакати” [4:112]. Это движение тесно связано с движением религиозных мусульманских деятелей за чистоту канонов ислама.

С самого возникновения этого движения официальными кругами советского Туркестана и России были предприняты решительные меры по его чернению. Первоначально оно оценивалось как проявление бандитизма. С середины 1919 г. стали широко использоваться термины “басмачи”, “басмачество”. Сами участники движения идентифицировали себя как борцы за свободу, освободители своей Родины от завоевателей, защитники своей земли, исламской веры, народа.

В первую очередь карательная кампания была направлена на религиозные учреждения. Были ликвидированы организация “Улема”, “Союз мусульман”, Петро-Александровская городская дума (13 октября 1918 г.). Таким образом, единственным мыслимым путем к достижению интересов “пролетариата” Амударьинского отдела виделось в “революционном насилии” и радикальном переустройстве восточного общества с неизбежным разрушением властных структур.

Это видно во взаимоотношениях советской власти и культурных учреждений Каракалпакстана. Культура народов Каракалпакстана, подобно другим культурам мира и даже в гораздо более значительной степени, выросла на основе религии ислама. Культура и религия неразрывна.

В Хивинском ханстве на 800 000 человек населения имелось более 100 медресе и 2 тыс. мектебов. В Амударьинском отделе Туркестанского края на 198 565 человек населения имелись 58 медресе и 434 мектебов. В Петро-Александровске действовало трехклассное училище, в Чимбае и Шурахане “русско-туземные” школы, вечерние курсы по изучению русского языка. Уровень грамотности населения до 1917 года в обеих частях Каракалпакстана был равен 10-15 %. Религиозными учреждениями управляли Шейх-ул-Ислам, Кази-Калан, Кази-аскар, кази, аьлам, муфтий, мударрис, имам [6].

Большевики хотели выбить эту основу и заменить идеологические суррогаты, к тому же национально чуждые и привнесенные извне. Не были учтены, что население Каракалпакстана находило в религии ислама единственное утешение и лишь благодаря религиозным проповедям оно приспособилось переносить тяготы жизни в условиях первой мировой войны.

Тем не менее, “красногвардейской атаки” сразу начать не удалось. Об этом свидетельствуют судьбы декретов “О земле”, “О национализации”, “Об отделении церкви” в Каракалпакстане, где теснее и ярче соприкасались интересы государства и религиозных учреждений.

У народов Каракалпакстана существовали нижеследующие основные формы собственности на землю: падшалык, мульк, вакф и общинное землевладение. Нас интересует вакфные земли, образовавшиеся из земель, пожертвованных правителями в пользу мусульманского духовенства или на содержание мектебов, медресе и мечетей.

В Амударьинском отделе 38 мечетей овладели вакфными землями. В Шураханском участке имелись 14 471 танапа вакфных земель, в Чимбайском участке 19 000 танабов. Размер вакфных земель в Хивинском ханстве был равен 470 000 танабов. Примерно 25 % всех удобных земель Хивы принадлежало духовенству [7.1:94-95,7.2:217].

Большевики в Амударьинском отделе и Хорезме проводили политику, направленную на ограничение экономических основ духовенства, ликвидацию вакфного имущества религиозных учреждений, преимущественно состоявших из вакфных земель и торгово-промышленных предприятий.

Декрет СНК РСФСР “Об отделении церкви” был издан 21 января 1918 г. Попечительский комитет управления учебными заведениями комиссариата просвещения Совнаркома Туркестанского края 22 февраля 1918 г. вынужден был принять постановление такого указания: “во исполнения декрета от 21 января 1918 г. “Об отделении церкви от государства” прекратить преподавание закона божьего во всех гражданских и учебных заведениях Туркестанского края, предоставив организацию преподавания предметов религиозно-нравственного воспитания и изыскания необходимых средств для этой цели личной инициативе родителей учащихся, с правом вести это преподавание в стенах учебных заведений во внеурочное время” [8:121].

Я. М. Досумов считает, что “допущение преподавания закона божьего в русских школах Туркестана во внеурочное время, вопреки декретам Советского правительства, объяснялось влиянием буржуазно-оппортунистических элементов и политической близорукостью Народного комиссариата просвещения Туркесреспублики. Вместе с тем проводить декрет тогда

еще не представлялось возможным в связи с общей отсталостью народов Средней Азии” [8:121].

Совдеп Амударьинского отдела только 23 мая 1918 г. объявил в своем приказе содержание декрета. Этот приказ встретил упорное сопротивление членов Петро-Александровской городской думы и родительского комитета (Мануилов, Равилов, Корнилович, Памшев и др.).

Таким образом, в области взаимоотношений власти и религии одним из первых декретов большевики отделили школу от церкви (в наших условиях от мектебов и медресе). Осуществление этого на практике проходило сложно, получало на местах различные толкования.

Опираясь на достижения новейшей историографии, мы можем утвердить следующее: ни действия буржуазно-оппортунистических элементов, ни политическая близорукость столоначальников просвещения, ни уровень грамотности никак не могли откладывать осуществление декрета в жизнь. Сама реальная жизнь приостановила этот процесс. Страна оказалась в социальном хаосе. Советская власть не могла установить властные структуры в Амударьинском отделе вплоть до середины 1918 г. В Амударьинском отделе существовало четверовластие [9:303].

Поэтому своеобразно шел процесс отделения школы от церкви в Средней Азии. Наркомпросвещения Туркестанской АССР 20 ноября 1918 г. признал необходимым временно отказаться от проведения в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. Более того, было принято постановление о разрешении преподавания вероучения в национальных школах.

Новая, советская школа, создавалась медленно. Тому множество причин, и не только финансовые трудности и слабая материально-учебная база. Культурные, бытовые, этнические и иные особенности края то и дело вступали в противодействие с установками, инструкциями Советской власти. Как, скажем, нужно было осуществлять “Положение о единой трудовой школе”, предписывающее совместное обучение мальчиков и девочек в местах, где весь уклад жизни был пронизан мусульманскими правилами?

Тем не менее, многие учителя бывших русско-туземных, ново-методных школ и Петро-Александровского городского училища стали работать в новых школах: Х. Мазитов, Е. Кожуров, Ю. Ахмедов, К. Салимов и другие.

Теперь анализируем тактику большевиков Туркестана в целом, Амударьинского отдела в частности, в отношении учения ислама. На 1 съезде Компартии Туркестана (июнь 1918 г.) представитель Наркомата по национальным делам РСФСР в Туркестане А. Клевлеев, выступая с докладом о партийной работе среди “мусульманского пролетариата”, в частности говорил: «Сам по себе вопрос мусульманский в высшей степени серьезен, и подходить к нему приходится весьма осторожно. Я подошел к нему, опираясь на религию — на Коран. Научно изучив его и все учение мусульманского пророка Мухаммеда, я убедился в социалистическом направлении его мысли, больше того, я признал в нем коммуниста” [10:34].

А. Клевлеев говорил, что с помощью проповеди подобных взглядов ему удалось зажечь массы “светлым чувством энтузиазма”, на собраниях резолюции принимались единогласно, в том числе улемами. Разъезжая по краю, он создал на этой основе ряд “партийных организаций”

[10:34].

На наш взгляд, эти парторганизации можно было скорее назвать религиозными сектантскими обществами, ибо их митинги и собрания начинались и заканчивались в мечети молитвой. По прошествии некоторого времени они были распущены или подверглись очищению “от классово чуждых элементов”.

Первый форум большевиков Туркестана в резолюции “О партийной работе среди мусульманского пролетариата” одним из условий работы в крае считал:

- 1) “для привлечения широких мусульманских масс к строительству новой жизни необходимо признание языка местного населения (преобладающего во всей республике) - тюркского, государственным, наряду с русским, со всеми мероприятиями, отсюда вытекающими”;
- 2) образование при всех областных, уездных и местных совдепах комиссариатов по национальным делам для самой энергичной агитации и привлечения широких масс мусульманства к советской работе;
- 3) обязательное издательство всех официальных органов на русском и мусульманском языках” [11:17-18].

ЦИК Туркестанской АССР 9 августа 1918 г. принял декрет о государственных языках. Власти приглашали на советскую и партийную работу в качестве секретарей и ответственных переводчиков религиозных лиц, отлично знающих письменно и устно языки местных национальностей.

Например, “красными переводчиками” работали Толобай Жаулыбаев (он в 1916-1920 гг. был избран председателем волостного исполкома Нукусской волости), Асан Айтымов (работал в исполкоме Чимбайского уезда), Мухамеджан Бальжанов (был одним из первых руководителей советских учреждений в Чимбае).

Передовая интеллигенция, перешедшая на советскую платформу, также не порвала с религией отцов и дедов. Например, Касым Аvezов (1897-1937) имел солидное духовное образование. Коптлеу Нурмухамедов (1903-1938) считался одним из грамотных людей своего аула как по мусульманской грамоте, так и по кириллице. Бывший местный судья Петро-Александровска Ибрагим Казиев стал работать народным судьей.

Сложным было взаимоотношение деятелей национальной культуры (они были верующими) с представителями советской власти. Кыссахан Аббаз Дабылов в первые годы советской власти не мог воспринять преобразования в области раскрепощения женщин. Каракалпакский народный шайр Аяпберген Мусаев занимался одновременно тремя формами творческой деятельности. Он был известен катибом-каллиграфом, который собирал среди людей образцы каракалпакской устной и письменной литературы, переписывал их от руки. Наряду с этим он являлся тем знаменитым кыссаханом-чтецом народных книг, который читал нараспев произведения фольклора и письменной литературы.

Нурабылла жырау Каражанов (1862-1927) исполнял дастаны “Алпамыс”, “Коблан”, “Едиге”, “Ер шора”, “Шарьяр”, сам сочинил дастан “Суржылан”, в которых естественно были мифические эпизоды. Ерполат жырау Рамберди улы, Курбанбай жырау Тажибай улы, Торе жырау, Отенияз жырау, Огиз (Хожамберген) жырау Нияз улы, Есемурат жырау Нурабылла улы, Кыяс жырау

Хайратдин улы, Жуман баксы, Байнияз баксы, Каражан баксы, Жанабай баксы, Жапак баксы, Есжан баксы, Ибрайым баксы и другие также читали молитвы перед тем, как исполнять мелодии и отпраздновать свадьбы.

Яркими представителями джадидов в Каракалпакистане были Сейфулгабит Мажитов и Казы Маулик. Казы Маулик (настоящее имя Маудуд Бекмухамед улы) сохранился в памяти своих современников в качестве народного шайра, катиба-переписчика и кыссахана-чтеца книг [12].

Таким образом, 1917-1918- годы характеризуются началом робкого наступления на господство ислама в культурной жизни народа. Исторически обуславливалось, что консолидирующую роль в процессе борьбы за независимость играло мусульманское духовенство. Религиозные деятели вели регулярную работу по укреплению позиций ислама, сохранению незыблемости его догматов и норм, традиционных связей и исламских ценностей.

Было бы неверно считать, что в эти годы никаких изменений в положении мусульманских организаций, в функциях, выполняемых исламом, не было. Ислам попал в новую, необычную для всех веков его существования социально-политическую и идеологическую обстановку. В 1917-1918 годы в жизнь верующего наряду с мечетью стали входить, пусть пока очень немногочисленные, “красные чайханы”, читальные залы, клубы, появились такие формы пропаганды, как лекции, митинги, собрания.

Все это способствовало в определенной мере потере религиозной общиной функции единственного источника информации, формы общения людей. В мечетях уже обсуждались вопросы, очень далекие от привычных для прихожан — о власти, революции, распределении земли и т. д.

Литература

1. Агзамходжаев С. Туркистон мухторияти-Тошкент, 2000. С. 13.
2. Карлыбаев М. Медресе в Каракалпакии XIX - начала XX веков-Нукус, 2002. С. 66, 68.
3. Алимova Д.А., Голованов А.А. Узбекистан в 1917-1990 годы: противоборство идей и идеологий-Ташкент, 2002. С. 20.
4. Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости//Коллектив авт.: Р. М. Абдуллаев, С. С. Агзамходжаев, И. А. Алимov и др.). Руководитель проекта Д.А.Алимova-Ташкент: "Шарк", 2000.С. 72.74.112
5. Подробнее см.: Кошанов Б.А. Туркестанская (Кокандская) автономия //Вестник ККО АН РУ, 1993.-№ 2.- С.93-95; Агзамходжаев С. Туркистон мухторияти-Тошкент, 2000. С. 23.
6. Более подробно см.: Казаков Э. Политика правительства Хорезмской республики в отношении исламской веры и служителей культа (1920-1924 гг.). Автореф. дисс...канд. ист. наук. Андижан, 1996; Карлыбаев М.А. История народного образования в Каракалпакии в XIX-начале XX веков. Автореф. дисс...канд.ист. наук. Нукус, 1996; Карлыбаев М. А. Медресе в Каракалпакии XIX - начала XX веков-Нукус: "Билим", 2000.
7. Тухтаматов Т.Г. Амударьинский отдел (Социально-экономическое и политическое значение для Хорезмского оазиса). Нукус, 1977.- С.94-95; Алимov И.А. К вопросу об отношении Хорезмской республики к исламу //Научное и культурное наследие человечества - третьему

тысячелетию. Тезисы докл. межд. симпозиума, посв. 2500-летию Бухары и Хивы-Ташкент, 1997- С.217

8. Досумов Я.М. Очерки истории Каракалпакской АССР...С.121
9. Сейтназаров М. История национально-освободительного движения в Каракалпакстане (1917-1920 гг.). Автореф. дисс...канд. ист. наук. Нукус. 1999; Таумуратов Н. История милиции Каракалпакстана в период восстановления национальной государственности (1917-1936 гг.). Автореф. дисс... канд. ист. наук. Нукус. 1999; Узбекистоннинг янги тарихи. Иккинчи китоб. Узбекистон совет мустамаккачилиги даврида-Тошкент, 2000. С. 303.
10. Материалы и документы 1 съезда Компартии Туркестана-Ташкент: Средазпартиздат, 1934.С.34.
11. Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана. 1918-1924 гг.- Ташкент: "Узбекистан", 1968. С. 17-18.
12. Подробнее см.: Жадидчилик: ислохот, янгиланиш, мустикаллик ва тараккиет учун кураш-Тошкент, 1999; Кудияров А. История города Чимбая. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук-Нукус. 1998.